

> МАТИС ТРАЛЪ >

Зимние истории

Русская классика



Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
3-62

Составление *Натальи Артёмовой*
Художественное оформление серии
Натальи Портяной

3-62 **Зимние истории : русская классика.** — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-242585-1

Предновогодняя суета. В воздухе царит атмосфера праздника. Зайдем на елочный базар и прокатимся на санях, купим в лавке пряников, и орехов, да три фунта колбаски вареной. Дома раздается детский смех, посреди залы — нарядная елка, а на ней сверкает звезда Христова. Вся семья собралась вместе, чтобы праздновать это волшебное время.

Сборник погружает в зимнюю сказку, созданную классиками русской литературы. Великие мастера слова, такие как Чехов и Одоевский, дарят читателю атмосферу праздничного тепла и радости, а также наполняют сердце светлыми переживаниями, связанными с приближением Нового года и Рождества.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-242585-1

© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

Николай Вагнер

(1829–1907)

Новый год

I

С Новым годом! С Новым годом! И все веселы и рады его рождению.

Он родился ровно в полночь! Когда старый год — седой, дряхлый старикашка — укладывается спать в темный архив истории, тогда Новый год только, только что открывает свои младенческие глаза и на весь мир смотрит с улыбкой.

И все ему рады, веселы, счастливы и довольны. Все поздравляют друг друга, все говорят: «С Новым годом! С Новым годом!»

Он родится при громе музыки, при ярком свете ламп и канделябр. Пробки хлопают! Вино льется в бокалы, и всем весело, все чокаются бокалами и говорят:

— С Новым годом! С Новым годом!

А утром, когда румяное, морозное солнце Нового года заблестит миллионами бриллиантовых искорок на тротуарах, домах, лошадях, вывесках, деревьях; когда розовый нарядный дым полетит из всех труб, а розовый пар из всех морд и ртов, — тогда весь город засуетится, забегает. Заскрипят, пока-

тятся кареты во все стороны, полетят санки, завизжат полозья на лошом снегу. Все поедут, побегут друг к другу поздравлять с рождением Нового года.

Вот большая широкая улица! По тротуарам взад и вперед снует народ. Медленно, важно проходят теплые шубы с бобровыми воротниками. Бегут шинелишки и заплатанные пальтишки. Мерной, скорой поступью — в ногу: раз, два, раз, два — бегут, маршируют brave солдатики.

Вот между народа бежит и старушоночка, а с ней трое деток. Старший сынок в маленьком обдерганном тулупчике без воротника и в протертых валенках бежит впереди, подпрыгивает, подплясывает и то и дело хватает за уши — бегут, бегут, скрип, скрип, скрип.

— Мороз лютой, погоняй, не стой!.. Бежим, matka, бежим!

— Бежим, касатик, бежим, родной. Мороз лютой, погоняй, не стой!.. Господи Иисусе!

— Бежим, Гришутка, бежим, лапушка!..

И Гришутка торопится, пыхтит, семенит ножонками. Скрип, скрип, скрип... От земли чуть видно. Шубка длинная, не по нем, но его поддерживает сестренка Груша. Поддерживает, а сама все жметя, ёжится. — Похлопает, похлопает ручками в варежках и опять схватит Гришутку за ручку и — побежит, побежит!..

— Мороз лютой, погоняй, не стой!..

Но Гришутка не чувствует мороза. Ему тепло, ему жарко. Пар легким облачком вьется около его личика.

И весь он там, еще там, где они были назад тому с полчаса. В больших палатах, где большая, большая лестница уставлена вся статуями и цветами. Там швейцар с большими черными баками, весь в золотых галунах, в треугольной шляпе и с большою палкой.

Там живет сам «его превосходительство», и они ходили поздравлять его с Новым годом.

Каждый Новый год приходит Петровна с детками поздравлять его превосходительство, и каждый раз его превосходительство высылает ей три рубля за верную и усердную службу ее покойного мужа Михеича.

И на этот раз швейцар доложил — и через час выслали с лакеем новенькую, не согнутую трехрублевую бумажку.

Петровна поклонилась, поблагодарила, перекрестилась, дала швейцару двугривенный, на который он посмотрел искоса, подбросил на руке и затем с важностью опустил в жилетный карман.

Все время, пока они стояли в сенях у его превосходительства, Гришутка на все дивовался, все осматривал своими большими черными глазами и поминутно теребил мать за рукав.

— А это, мама, лестница? — лепечет он чуть слышно.

— Лестница, касатик, — шепчет мама.

— А куда она идет?

— Наверх, в комнаты.

— Они тоже большущие?

- Большушие, касатик, большушие.
- А на лестнице это сады рассажены?
- Сады, родименький, сады.
- А между ними что за куклы большушие, белые стоят?
- Это для красы, лапушка, для красы.
- А это что, вон там, светлое такое — большущее?
- Это зеркило, касатик, зеркило.
- А это, посреди, из чашки вверх бежит, это что такое, мамонька?
- Это фантал, касатик, фантал... А ты нишкни, лапушка, сейчас придут... нехорошо болтать-то...

И Гришутка замолк, но не успокоился. Его черные глаза словно хотели проникнуть насквозь и ковер на лестнице, и медные прутья, которыми он был пристегнут, и лепку на сводах высоких пилястр, и грациозную фигурку сирены, поддерживающей чашу фонтана.

«Вот бы туда посмотреть! — думал он, — в те большушие комнаты, что наверху этой лестницы с куклами. Там, чай, каких чудес нет?..»

И он бежал дорогой и все придумывал, воображая — какие должны быть чудеса на этой большущей лестнице?

— Бежим, бежим, лапушка, замерзнешь, — то-ропила Груня.

И Гришутка инстинктивно бежал скоро, скоро, скоро. Скрип, скрип, скрип, скрип, скрип!..

II

Прибежали в переулчишко, узенький, дрянненький, в двухэтажный серенький домишко, и то на задний двор, чуть не в подвальный этаж; перед грязным, заплесканным крылечком целая гора намерзла грязных помоев. Скатились, точно в яму. Здравствуйте! домой пришли.

— Холодно! голодно!

— Погодите, ребятки, — говорит мать, — теперь у нас есть что поесть и чем погреться. Погодите, родненькие. Сейчас будем с Новым годом. Я духом слетаю, дровец куплю, того, сего.

И действительно, духом слетала. Только по дорожке, на самую чуточку-минуточку в питейный дом завернула и шкалик перепустила, — да тут же рядом в лавочке пряничков, орешков, леденчиков купила и три фунта колбаски вареной, да краюшку решотного, да полфунтика масла промерзлого — чтобы Новый год было масляно встречать.

— Ну! Пташечки-касаточки, вот вам! — И того, и сего, и этого... Груня, клади, matka, живей дровец в печь! Насилу, насилу все-то дотащила.

И Груня положила дровец, растопила печку. Зажарили вареную колбасу в масле. Мать суетилась без отдыха. Груня и Ваня помогали ей с усердием. Вскипятили самоварчик, достали с полочки чайник с отбитым носком, с трещинами, чашки полинялые и побурелые. Из сундука вынули сахар в жестяной коробочке и щепотку чаю, бережно завернутую в бумажку. Чай давно уже пахнул

кожей и сеном. Впрочем, он и свежий был с тем же самым ароматом.

Только Гришутка не принимал участия в общей хлопотне. Он как сел у замерзлого окошечка, так и не отходил от него. Он хмурился и скоблил ледяные узоры на разбитых оконцах. Но, очевидно, машинально скоблил, а его душа и мечты находились там, там — в этих больших сенах с мраморной лестницей, усаженной садами, уставленной большими куклами...

— Гришутка, касатик, дай скину красну рубашечку — да в сундучок спрячу до праздника. А то, не ровен час, касатик, запачкаешь, упаси Господи!

— Нет, мама, я в ней останусь...

— Запачкаешь, мол, говорю, касатик. — И мать подходит к нему, обнимает и целует — в надежде, что касатик снимет драгоценную рубашечку из красного канауса и плисовые черные шаровары, подарок крестной матери; но касатик положительно возмущается...

— Отстань, мамонька! Говорю: не замай!.. От тебя вон водкой воняет...

— А это я для куражу, для праздничка, лапушка, выпила, — оправдывается мама, быстро вертя рукой около смеющегося, красного, истрескавшегося лица.

— Ну ладно! Отстань, мамонька, я целый день буду в эвтом ходить, — вот что! — И мамонька отстала. «Пушай его, — думает она, — уснет младенец, я его, крошечку, раздену, а теперь пушай пощеголяет, душеньку для праздника потешит».

— На-ко, сахарный, леденчиков да пряничков! — предлагает она.

И сахарный машинально, задумчиво берет леденчики и прянички. Но, очевидно, думы его слаще ему леденчиков и пряничков.

Наелись, напились, — напраздничались. — Пришли гости: кум, да сват, да свояченица, принесли гостинцев.

— С Новым годом, с новым счастьем. Дай Бог благополучно!..

Послали Ваню за полуштофом. Опять поставили самовар, и пошли чай да рассказы без конца и начала...

Наконец, наговорились, разошлись по домам.

Стемнело. Гришутка припрятал пакет, что мать принесла с пряниками, и в нем с десяток пряничков и леденцов. Как ни тянуло его, он ни один не съел, все припрятал с пакетом, завернув его тщательно, и все держал за пазухой.

— Мамонька! — обратился Гришутка к матери. — А там, там, где мы были, там долго спать не ложатся?..

— У его превосходительства?.. И-и, касатик медовой, ведь они баре, — сказала она шепотом. — У них ночь вместо дня. Мы давно уже спим, а они до вторых петухов будут сидеть.

— Что ж это они делают, мамонька?!

— А вот что, касатик. Седни вечером у них елка. Большущу, большущу таку елку поставят и всю ее разуберут всякими гостинцами, конфетами, да всю как есть свеченьками уставят.

Страсть хорошо! А наверху, на самом верху звезда Христова горит... Таки прелести — что и рассказать нельзя. Вот они, значит, около этой елки все соберутся и пируют.

И Гришутка еще больше задумался. Большая елка, с Христовой звездой наверху, приняла в его детском, все увеличивающем представлении сказочные, чудовишные размеры.

К вечеру матка стала совсем весела. Всех, и Ваню, и Груню, и Гришутку, заставляла плясать и сама прищелкивала и припевала:

Уж я млада, млада сады садила,
Ах! Я милого дружочка поджидала...

Наконец, она совсем стала сонная. Ходила, покачиваясь. Все прибирала. Разбила две чашки, расплакалась, свалилась и захрапела.

— Ну, — сказал Ваня сестре, — теперь матку до завтра не разбудишь. Пойдем за ворота поглазеим. — И они, накинув тулупчик и пальтишко, вышли за ворота.

Гришутка остался один.

В комнате совсем стемнело. Он присел около печки в угол, прислонился к ней и думал упорно все об одном и том же. Темная комната перед ним вся освещалась, горела огнями. Чудовищная елка вся убиралась невиданными дивами, и все ярче горела на ней звезда Христова. Наконец воображение устало. Гришутка зевнул, съежился, прислонился ловчее к печке и крепко заснул...

Долго, долго прогуляли Груша с Ваней: бегали на большую улицу, смотрели в окна магазинов,

наконец вернулись, и целые клубы пара ворвались с ними в комнату. Он обхватил, разбудил Гришутку.

Весело перешептываясь и смеясь, дети разделались и спать улеглись, — а об Гришутке забыли.

Он тихонько привстал, потянулся. Подождал, пока брат и сестра заснули. Тихо, на цыпочках подошел он к своей шубке. Кое-как надел ее. Надел шапку, варежки, натянул валенки — и тихонько вышел, притворив дверь как мог плотнее.

Черная ночь обхватила его морозным воздухом. В переулке тускло мерцали фонари.

III

Он помнил только, что «его превосходительство» живет на улице, которая называется Большой Проточной, и что в эту улицу надо свернуть с Заречного проспекта.

Вышел он из переулочка на улицу и у первого попавшего «дядюшки» спросил, как ему пройти в Большую Проточную.

— Эх ты, малыш! — сказал дядюшка. — Как же ты в эку даль пойдешь? Ступай до угла, а там поверни налево... и все прямо, прямо иди, все так-таки прямо все иди, иди по проспекту-то, а там спроси — укажут, чай, добры люди... Ах ты, малыш, малыш! Смотри через улицу не переходи! Задавят... Да тебя кто послал-то?!.

— Никто, дядюшка, я сам, к его пливосходительству иду...